Ильин И. Православная Русь filosoff.org Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Иван Александрович Ильин

Православная РУСЬ

«Лето Господне. Праздники» Книга, которая никогда не забудется в истории русской словесности и в истории самой России… Грань и событие в движении русского национального самосознания… Сразу — художественный и религиозный акт.

То, что выговаривает большой национальный художник, есть его творческое слово и его создание; но оно произносится им за весь народ и от его лица. Он поднимает духом бремя своего народа, бремя его несчастий, его исканий, его жизни; и, подняв это бремя, он несет его к победе. Он как бы ставит свой народ перед лице Божие и выговаривает за него его жизненное и духовное исповедание; и в этом он сам становится органом национального самоопределения, живогласною трубою своей родины.

Именно таково значение двух последних книг Ивана Сергеевича Шмелева, вышедших в белградской Русской библиотеке: «Лето Господне. Праздники» и «Богомолье». Но о каждой из них надо говорить отдельно.

С самого дна нашей беды, нашего завоевания и порабощения — ибо что же малодушно бояться слов и скрывать от себя острую и мучительную правду?.. — 18 лет тому назад, в час великой исторической растерянности, русский народ был совращен, завоеван и порабощен антинациональными отбросами международной и своей собственной интеллигенции... И вот, с самого этого часа и с самого этого дня нашего крушения, взывает к нам вопрошающий голос: живы ли мы? И если мы живы, то сохранили ли мы верность нашим святыням? И что это за святыни, коими жила и держалась и крепла Россия? Знаем ли мы их, видим ли и постигаем ли мы источники нашей национальной духовной силы? И в чем они?

Ныне Шмелев ответил этому стенающему голосу, голосу нашей национальной совести: мы знаем источники нашей национальной духовной силы; мы исповедуем их по прежнему; мы им верны; мы живы ими и не оторвемся от них никогда... Все трудности нашей природы, все испытания нашей истории, все неимоверные задачи нашей сравнительно первобытной, но мощной государственности — мы снесли и пронесли благодаря тому, что ставили свою душу в трепетную близость к Богу, получая от этой молитвенной близости: живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиноваться... И еще глубже и священнее: душу, открытую для каждого веяния Божьего Духа, душу, по-детски доверчивую, искреннюю, добрую и смиренно-покаянную; дар — веровать сердцем, и освящать лучами этой веры весь свой уклад, и быт, и труд, и природу, и самую смерть... Таков был дух Руси. Дух православной Руси. Она крепко, непоколебимо верила в то, что близость к Богу дает не только правоту, ведущую на вершинах своих к святости, но и силу, жизненную силу, и стало быть победу над своими страстями, над природой и над врагами... О, зрелище страшное и поучительное! Русский народ утратил все это сразу, в час соблазна и потемнения, — и близость к Богу, и власть над страстями, и силу национального сопротивления, и органическое единомыслие с природой... И как утрачено все это сразу, вместе, — так вместе и восстановится...

Вот тот духовный горизонт, вот та историческая проблема и рама, в которых создавалась и создалась книга Шмелева. Вот смысл ее появления; ее сокровенный философский и национальный замысел. Но как художественное произведение, — она есть не философическая трагедия, а лирическая поэма.

Когда читаешь эту книгу, — ив первый раз, и во второй, и в третий (а ее непременно надо иметь и постоянно возвращаться к ней, утешаться, очищаться, лечиться ею), — то не помнишь, что «это — книга», а видишь самую Русь, народную Русь, Православную Русь, московскую, замоскворецкую, во всей ее темпераментной

Ильин И. Православная Русь filosoff.org

широте, во всем ее истовом спокойствии, в этом чудесном сочетании наивной серьезности, строгого добродушия и лукавого юмора... Нет, мало сказать — «видишь»: живешь в ней, с нею, ею; чуешь ее душу, внемлешь вздохам этой души, участвуешь в праздновании ее праздников, молишься с нею, пугаешься, радуешься и плачешь...

Великий мастер слова и образа, Шмелев создает здесь в величайшей простоте утонченную и незабвенную ткань русского быта; этим словам и образам не успеваешь дивиться, иногда в душе тихо всплеснешь руками, когда выбросится уж очень точное, очень насыщенное словечко: вот «таратанье» «веселой мартовской капели»; вот в солнечном луче «суетятся золотинки», а от капусты на базаре идет «кислый и вонький дух»; «топоры хряпкают»; «арбузы с подтреском»; «черная каша галок в небе». А этот разливанный «постный рынок»... А запахи и молитвы Яблочного Спаса!.. А крещенское купанье в проруби... Да всех богатств и не упомянуть!.. И уж потом только, когда выпьешь всю книгу и захочется начать чтение опять сначала, — в промежутке невольно спрашиваешь себя: что это за сила художественного воображения, на которую читатель не может не отозваться всем своим существом?

Это и есть воображение — насыщенное трепетом сердца. Здесь каждый миг взят любовно, нежным, упоенным и упоительным проникновением; здесь все лучится от сдержанных, не проливаемых слез умиленной и благодарной памяти. И такова сила этих непролитых художником слез, что у читателя они то и дело накипают в сердце. Шмелев показывает нам Россию и православный строй ее души — силою ясновидящей любви... О, если бы все умели так любить Россию!..

Эта сила воображения возрастает и утончается еще от того, что все берется и дается из детской души, вседоверчиво разверстой, трепетно отзывчивой и радостно наслаждающейся. С абсолютной впечатлительностью и точностью она подслушивает звуки и запахи, ароматы и вкусы. Она любит земные лучи и видит в них — неземные; любовно чует малейшие колебания в настроении у других людей; ликует от прикосновения к святости; ужасается от греха и неустанно вопрошает все вещественное о скрытом в нем таинственном и высшем смысле. Шмелев показывает нам Православную Русь — сквозь искренность, чистоту и нежность младенчества. О, если бы все умели так видеть и постигать свою Родину!..

И вот эта сила любви и эта нежность младенчества блаженно впитывают в себя стихию православия. Не в порядке богословия, и не в порядке богослужения; ибо обе эти стороны требуют не-младенческого разума. А в порядке непосредственного жизнеосвящения.

Православие всегда искало раскрыть сердце человека навстречу Христу и ввести веяние Духа Святого во все уголки душевной и бытовой жизни: пробудить в людях голод по священному; озарить жизнь незримо присутствующею благодатью; научить человека любить Бога и в больших и в малых делах. И вот, с тех пор как существует русская литература, впервые художник показал эту чудесную встречу — мироосвящающего православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой. Впервые создана лирическая поэма об этой встрече, состаивающейся не в догмате и не в таинстве, и не в богослужении, а в быту. Ибо быт насквозь пронизан токами православного созерцания; и младенческое сердце, не постигающее учения, не разумеющее церковного ритуала, пропитывается излучениями православной веры, наслаждается восприятием священного в жизни; и потом, повернувшись к людям и к природе, радостно видит, как навстречу ему все радостно лучится лучами скрытой божественности. А мы, читатели, видим, как лирическая поэма об этой чудной встрече разрастается, захватывает весь быт взрослого народа и превращается в эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия... Так Шмелев показывает нам русскую православную душу в момент ее пробуждения к Богу, в период ее первого младенческого восприятия Божества; он показывает нам Православную Русь — из сердечной глубины верующего ребенка.

Что же воспринимает эта детская душа?

Прежде всего — некое обновление. «Новое все теперь, другое». «Душа начнется». «Другое все! — такое необыкновенное, святое». «И будет теперь другое, совсем другое, и навсегда». Открывается мир по-новому; обнаруживается новый мир, мир, насыщенный божественной значительностью, священностью, святостью. Все, что прикасается к Божественному, к богослужению, к очищению души, к благословению, к молитве — все чувствуется как священное. И малютке самому «хочется стать святым — навертываются даже слезы». И про любимца своего, старичка Горкина — а он «сама правда», свеча Божия, — ребенок уже допытывается, «кто он будет, святомученик

Ильин И. Православная Русь filosoff.org

или преподобный, когда помрет?».

Все освящается и очищается от молитвы: и жизнь, и двор, и животные, и яблоки, и самый воздух. Во всем раскрывается некая тайна и чистота; по-новому сияет «двор обмоленый», и кажется, что даже «во всех щелях, в дырках между досками, в тихом саду вечернем — держится голубой дымок, стелются петые молитвы, — только не слышно их». И ото всего этого исчезает страшность жизни: «Мне теперь ничего не страшно... потому что везде Христос»; «и все во мне связывается с Христом»... и все это «для Него». Исчезает страшное — и начинается радость: «радостное до слез бьется в душе»; душа поет первую песнь озаренности, благодарности и любви. «Благовещенье... и каждый должен обрадоваться кого—то, а то праздник не в праздник будет»; и вот, летят Божьи птички на Божью свободу. И лошадь, старую Кривую, надо «снежком порадовать», и людей: согрешивших простить, недовольных примирить, трудящихся обласкать, наградить. Ласка любви льется отовсюду на детскую душу; и ответной любовью и лаской отвечает детская душа. И золотому лучу сердца — весь мир видится праздничным, радостным и золотым. Как же не радостным, когда идет сам «Господь, во святой Троице, по всей земле»... Неужели и «к нам» зайдет господь? «Молчи, этого никто не может знать!» Пройдет он по земле и благословит: «и будет лето благоприятное»...

Так отверзаются духовные очи ребенка, — и он видит Бога; и мир видит по-новому; и себя и свой народ он начинает разуметь священно. И все это проникает в его родовое, национальное ощущение и будит в нем последнюю глубину общенародной памяти. Вот он смотрит с моста на Московский Кремль: «Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это — мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... — были во мне всегда... И все я знаю. Там, за стенами, церковка под бугром, — я знаю. И щели в стенах — знаю. Я глядел из-за стен... когда? И дым пожаров, и крики, и набат... все помню\ Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... — все мнится былью, моею былью — будто во сне забытом...»

Блаженно детство, исполненное таких восприятии, постижений и радостей! Жив и никогда не умрет народ, создавший такое и умеющий так пробуждать к жизни своих детей! Еще ли нам не верить и сомневаться, и роптать? Еще ли нам не чувствовать нашей национальной судьбы в руке Божией'! Еще ли нам не слышать нашим духовным слухом звона московского на Рождество Христово: «В Кремле, — древний звон, степенный, с глухотцой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул»...

Еще ли нам не чуять и не разуметь, чем строилась и держалась Россия?.. и как жили мы в ней, мы все — «птицы Божий»... и как мы омывались духовно святой водой: «крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, телеса очисти, во имя Отца и Сына и Святого Духа»...

О, младенческое сердце нашей России, ныне соблазненное и страдающее, но непогубленное и непогубимое вовек! О, сияние родного солнца! О, благодать родных молитв!.. — Но разве это не — прошлое? Разве это не прошло?

«Как это давно было! Теплый, словно весенний, ветерок… — я и теперь его слышу в сердце». «Легкие, розовые сны… Обрывки их еще витают в моей душе».

Нет, это было не «давно»: это вечное, это навеки так; ибо жива Россия. И в сердце нашем мы должны слышать это всегда. И не «сны» это, уцелевшие в обрывках; а сама духовная, благодатная ткань Православной Руси. Это — дух нашего народа. Это — древнее, отстойное и мудрое вино нашей русскости. Долго отстаивалось оно. Веками. И кто его никогда не пил, не мысли себя знающим Россию...

Такова эта книга, трепетная и молитвенная, поющая и благоуханная. Таково ее слово, мудрое и простое, живое и упоительное. Рожденное видящим и любящим сердцем, — сердцем воспринявшего младенца и поведавшего мудреца.

И чуется мне, что эту книгу написала о себе сама Россия— пером Шмелева; выговорила о себе глубинную правду… утвердила себя навек…

И вспоминаю я невольно тот тягостный и постыдный день, когда в русской литературе— иные, окаянные были сказаны о славной Руси слова. Правокаторжные

Ильин И. Православная Русь filosoff.org

Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь -

В кондовую,

в избяную,

В толстозадую'

(Александр Блок).

Ныне эти кощунственные слова смыты: и черный свет их погашен, и духовный смрад их развеян...

Но для того, чтобы это состоялось, нужны были священные слова, детски чистые и искренние; и другой, белый и золотой свет; и духовное благоухание. Надо было художественно увидеть и священно показать подлинный лик Православной Руси.

И Шмелев это совершил.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения! http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

недвижимость. Здоровый образ жизни.

http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

магазин обуви Интернет магазин http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг. http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!